

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. В. Коржушин, Д. М. Насилов (Ленинград). О жизни и творчестве С. Е. Малова</i>	5
С. М. Абрамзон (Ленинград). Этнографические исследования С. Е. Малова	12
<i>Э. Р. Тенишев (Москва). С. Е. Малов — исследователь современных тюркских языков</i>	26
<i>Ф. Д. Ашик (Москва). Первая печатная научная грамматика алтайского языка. Проблема авторства</i>	34
<i>Г. Ф. Блазова (Москва). О соотношениях прозаического и поэтического вариантов средневизантиско-тюркского письменного-литературного языка XV — начала XVI в. (Падежное склонение в языке произведений Бабур)</i>	62
<i>Д. Д. Восильев (Москва). Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири</i>	92
<i>И. Г. Добродомов (Москва). О половецких этнонимах в древнерусской литературе</i>	102
<i>С. Н. Иванова (Ленинград). Об историзме в содержании грамматического понятия</i>	130
<i>С. Г. Кляшторная (Ленинград). Наскальные рунические надписи Монголии. I. Тэс, Гурвалжин-ула, Хангыта-хат, Хэнтэй</i>	151
<i>А. Н. Кочанов (Ленинград). Семантика цветообозначений в тюркских языках</i>	159
<i>Д. М. Насилов (Ленинград). К проблеме тождества аффиксов в алтайских языках</i>	160
<i>В. И. Рассодин (Улан-Удэ). История этнографического и лингвистического изучения тофаларов</i>	189
<i>Д. Г. Солянов (Ленинград). Этнокультурные связи енисейских киргизов и кымаков в IX—X вв.</i>	209
<i>И. В. Стеблева (Москва). Преодоление традиционной тематической нормы в газели Бабур</i>	226
<i>Г. И. Сулянов (Ленинград). Письма золотоординских ханов</i>	234
<i>Л. Ю. Тулушева (Ленинград). Два колофона из собрания древнетюркских рукописей ЛО ИВАН СССР</i>	252
<i>Хронологический перечень трудов С. Е. Малова и литературы о нем (Составила Л. Я. Медведева)</i>	262

Э. Р. Тенишев

С. Е. МАЛОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

В небольшой статье нет возможности достаточно подробно развить тему: С. Е. Малов и современные тюркские языки. Это предмет монографического исследования, включающего и анализ творческого пути ученого, и неторопливое размышление об эпохе и научном деятеле, его характере, интересах и наклонностях.

Остается, так сказать, «фрагментарный» путь освещения названной темы — показ нескольких моментов общего характера и более детальное раскрытие одного частного, но занимающего важное место в творчестве С. Е. Малова.

Научные интересы С. Е. Малова формировались под непосредственным воздействием В. В. Радлова, примыкавшего по своим теоретическим взглядам к «казанскому кружку». Позиции «кружка» и его главы И. А. Бодуэна де Куртене определялись поворотом в сторону синхрония, исследования главным образом живых, современных языков. Однако в связи с открытием древнетюркских памятников и поступлением рунического и древнеуйгурского материалов В. В. Радлову в последний, петербургский период его деятельности пришлось отступить от позиции казанцев и усиленно заняться древнетюркской филологией.

У С. Е. Малова, ученика и последователя В. В. Радлова, обе эти линии — изучение современных и древних тюркских языков — представлены с самого начала его научной деятельности. Причем оба направления не были изолированы друг от друга, а, наоборот, тесно взаимодействовали: древние языки применялись для объяснения современных, а современные — для понимания текста древних.

После Октябрьской революции в связи с настоятельной необходимостью повышения культуры и просвещения возрожден-

ных к жизни наций особо важное значение приобрело изучение современных тюркских языков.

Создание письменности и литературного языка для ряда тюркоязычных народов стало делом большой государственной важности. Поэтому исследование современных языков, естественно, выдвинулось у С. Е. Малова на передний план.

С. Е. Малов никогда не был кабинетным ученым, оторванным от жизни. Напротив, он чрезвычайно живо откликался на требования дня, на потребности социалистического строительства. Всем известно его деятельное участие в разработке алфавитов и орфографий для различных тюркских языков и помощь в их практическом применении на местах.

Большое значение придавал С. Е. Малов описанию современных тюркских языков и сам многое сделал в этой области и как исследователь, и как редактор. Примечателен для его метода избирательный, строгий подход в подаче языкового факта: из всех возможных явлений должно быть отображено и тщательно выверено с различных сторон самое рельефное.

Это требование ученый предъявлял как к самому себе, так и к другим авторам при оценке их работ.

Важное место в творчестве С. Е. Малова занимает диалектология. Большинство современных языков рассмотрены им через диалектологическую призму. Это и не удивительно, если вспомнить, что еще к началу 30-х годов нашего времени многие тюркские языки не имели литературной формы и существовали в виде народно-разговорных.

Особым вниманием С. Е. Малова пользовались лексикология и лексикография тюркских языков. Во главу угла ставилась национальный текст и точная передача его на русский язык; носителем смысла, центральной ячейкой текста признавалось слово. Здесь в какой-то мере сказывалось и влияние той революционной практической тюркологии, одним из активных деятелей которой был отец С. Е. Малова Евфимий Александрович Малов.

С. Е. Малов был необычайно чуток к слову как лексеме, только угадывал различные нюансы ассоциативных и по форме и по смыслу связей. Его глубокие познания в тюркской лексике отражены в статьях о тюркизмах в «Слове о полку Игореве» и записях Афанасия Никитина, в рецензиях и глоссариях во многих книгах, в сравнительных данных в якутском словаре Э. К. Пекарского, даже в небольших заметках по поводу того или иного слова. С. Е. прекрасно знал источники по лексике, иной раз самые неожиданные или совершенно забытые. На этой почве не обходилось и без забавных случаев. В период занятий тюркскими ярлыками С. Е. Малову встретилось слово *курут*, которое как-то не укладывалось в общий смысл текста, и С. Е.

затруднялся придать ему то или иное значение. В таких случаях С. Е. любил задавать вопросы своим ученикам, студентам и аспирантам, выслушивать их мнение. Вопрос о *куруте* был задан мне. Я ответил, что это, наверное, известный многим тюркам сухой творог. После некоторого молчания С. Е. воскликнул: «Вот ведь А. Н. Самойлович читал, не понял этого слова, да и я не понял, а Вы объяснили. Да, конечно, это хорошо знакомое тюркам слово, и мы все его знаем, а не догадывались, странно как-то забыли!»

Когда вышла рецензия Сергея Ефимовича на издание ханских ярлыков, я с удивлением прочитал, что «асп. Э. Тенишев слово *курут* переводит „сухой творог“, что подходит к смыслу текста»¹, хотя никакой необходимости в этой справке и не было: *курут* дают многие тюркские словари. Но иначе поступить С. Е. не мог, не мог не почтить «первооткрывателя» и не сослаться на источник.

С. Е. Малова очень привлекала к себе еще одна область — то, что теперь именуется теорией литературных языков. Он ясно представлял себе ее значение. И первые камни в фундамент этой теории для тюркских языков заложены им. В этой связи следует вспомнить предисловие к книге «Енисейская письменность тюрков»² и статью «Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии»³. В этих работах конкретизировались и развивались идеи, только намеченные В. В. Радловым. Знание данных трудов С. Е. Малова — неперемнное условие для продвижения вперед в изучении динамики древних литературных языков, их роли в формировании современных литературных языков и в разграничении статуса (литературных или народно-разговорных) языков памятников.

С. Е. Малов работал и в области, называемой ныне социолингвистикой. Сюда относится статья «Тюркские языки в науке и жизни, прежде и теперь»⁴. Она ярко раскрывает расширение общественных функций литературных тюркских языков за годы Советской власти. Показать большие культурные достижения тюркоязычных народов нашей страны было проявлением высокого патриотического долга советского ученого.

У нас нет намерения модернизировать научное творчество С. Е. Малова. Но если исходить из содержания его трудов, то

¹ С. Е. Малов. Изучение ярлыков и восточных грамот. — Академик В. А. Гордлевскому к его 75-летию. Сборник статей. М., 1953, с. 192.

² С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. Тексты в переводе. М.—Л., 1952, с. 4—7.

³ С. Е. Малов. Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии. — ИАН СССР, ОЛЯ. Т. 6. Вып. 6. 1947, с. 475—480.

⁴ ИЖ. 1942, № 2—3.

свелья проходить мимо этих областей науки, получивших терминологическое выражение только в наше время. А это свидетельствует о глубине научного мышления С. Е. Малова.

Из современных тюркских языков С. Е. Малов непосредственно занимался татарским, хакасским, шорским, чулымско-тюркским, каракалпакским, туркменским, якутским. Для сравнительных целей он привлекал материал всех современных языков, в том числе и самых редких. Неизменными помощниками его были словарь В. В. Радлова и известный труд Н. Ф. Катанова об урянхайском (тувинском) языке. Среди современных тюркских языков следует назвать те, которые потребовали особенно больших усилий С. Е. Малова. К ним относятся языки центральноазиатского ареала: новоуйгурский, сарыг-югурский и саларский.

В 90-х годах прошлого столетия В. В. Радлов выдвинул «алтайскую» гипотезу фонетической структуры древнеуйгурского языка по материалам поэмы «Кутадгу билиг». В. Томсен, изучая рифмы поэмы, пришел к выводу, что гипотеза В. В. Радлова не верна. В. В. Радлов в поисках подтверждения своей теории обратил внимание на тюркский язык части желтых уйгуров, сарыг-югуров, который был известен лишь по небольшим заметкам Г. Н. Потанина и Г. Маннергейма. В 1909 г. Русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии по инициативе В. В. Радлова командировал С. Е. Малова для изучения языка и культуры желтых уйгуров, а также современных уйгуров и саларов.

Результаты первой двухлетней экспедиции (1909—1911) были так значительны, что В. В. Радлов командировал С. Е. Малова в те же места во второй раз — также на два года (1913—1915). Намечалась и третья экспедиция С. Е. Малова. Она не состоялась ввиду начавшейся мировой войны.

Две центральноазиатские экспедиции дали в руки С. Е. Малова огромный и очень ценный материал по языку, фольклору и этнографии до сего времени мало изученного новоуйгурского и почти совсем неизвестных сарыг-югурского и саларского языков. Подготовка и публикация собранного языкового материала длилась в течение всей жизни С. Е. Малова.

Самые большие записи были сделаны С. Е. Маловым по говорам новоуйгурского языка. С. Е. Малов производил свои записи позже Н. Ф. Катанова, поэтому, пополняя записи Н. Ф. Катанова, он смог обратить внимание на то, что ускользнуло из поля зрения Н. Ф. Катанова.

Большой материал собран С. Е. Маловым по комкульскому говору, хотанскому и лобнорскому диалектам. Удалось сделать записи турфанского, кучарского, аксуйского, кашгарского говоров. Книга по хамийскому (комкульскому) говору с текстами

и словарем, вышедшая в 1954 г.⁵, показала, что мало известный уйгуроведам хамийский говор, вопреки утверждению Г. Е. Грум-Гржимайло, вполне понятен носителям других центральных говоров и находится на уровне не более чем говора.

Взаимное понимание носителями различных диалектов и говоров — существенный критерий при их выделении. И именно этот критерий позволяет считать, что интереснейший язык лобнорцев, которому в 1956 г. С. Е. Малов посвятил книгу⁶ с текстами и глоссарием, является диалектом.

В традиционной части он стойко хранит свои исконные черты. К ним относятся: преобладание прогрессивной гармонии гласных над регрессивной; сильная лабиальная гармония гласных и ассимиляция согласных; родительный падеж, по форме совпадающий с винительным; будущее время на *-ади*, своеобразная лексика с ярко выраженным местным колоритом. Все это приводит к мысли, что в основе лобнорского диалекта лежит особый язык какой-то тюркской народности.

С. Е. Малов предположил, что лобнорский язык «есть древний разговорный язык древних киргизов»⁷. В дальнейшем этот вывод получил подтверждение и уточнение путем анализа родо-племенных названий и языка лобнорцев. С. Е. Малов прав, утверждая, что лобнорский язык, «вероятнее всего, будет больше сближаться с общеуйгурским языком и вполне сделается его наречием»⁸.

Лобнорский язык, как и другие местные говоры, испытывает нивелирующее влияние уйгурского литературного языка. Его традиционная часть оттеснена на второй план и сохраняется только у старшего поколения лобнорцев. Теперь лобнорцы двуязычны: говорят на родном и уйгурском языках. Молодое поколение говорит по-уйгурски, сохраняя, однако, отдельные лобнорские элементы. Очевидно, что самостоятельный в прошлом лобнорский язык находится на пути полного превращения в диалект уйгурского языка.

Уйгурским диалектам посвящены обобщающие работы С. Е. Малова. Статья⁹, вышедшая в свет в 1928 г., содержит небольшие тексты на кучарском и кашгарском говорах, одну краткую поговорку на лобнорском диалекте. В более обширной

⁵ С. Е. Малов. Уйгурский язык. Хамийское наречие. Тексты, переводы и словарь. М.—Л., 1954.

⁶ С. Е. Малов. Лобнорский язык. Тексты, переводы и словарь. Фрунзе, 1956.

⁷ Там же, с. 5.

⁸ Там же, с. 4.

⁹ С. Е. Малов. Характеристика жителей Восточного Туркестана — ДАН-В. 1928, № 7, с. 131—136.

даты¹⁰ 1933 г. приводятся сведения об общих фонетических особенностях уйгурских диалектов, а как иллюстрации к ним — тексты на центральных говорах (турфанском, хамийском, кучарском, аксуйском) и окраинных диалектах (хотанском и лобнорском). Для лобнорского диалекта приводятся особо некоторые наиболее яркие фонетические и морфологические признаки.

Труд, содержащий наиболее полный материал по уйгурским говорам¹¹, вышел из печати в 1961 г. Большая часть книги отведена текстам на малозвестном хотанском диалекте, остальная часть — тексты на кашгарском, аксуйском, кучарском, турфанском говорах.

Материалы С. Е. Малова по уйгурским говорам и диалектам сохраняют свое значение. Особенно ценны они еще и тем, что записаны на месте, от носителей диалектной речи — уроженцев того или иного оазиса. В своих работах С. Е. Малов повсюду употребляет термин «наречие», подразумевая под ним язык и диалект, развивающийся в язык¹².

Без колебаний он особо выделяет только лобнорское наречие, выделяет его, конечно, на уровне диалекта. «Действительно, весьма крупные, главным образом фонетические (отчасти — морфологические и лексические) особенности заставляют, по-моему, выделить лобнорское наречие из ряда других, вообще говоря — довольно сходных между собою, восточно-туркестанских наречий»¹³, — заключает С. Е. Малов в обзорной статье по истории уйгурской диалектологии. Вывод С. Е. Малова о ключевой системе уйгурских диалектов остается неизменным¹⁴, но хотанское «наречие» тоже привлекает его внимание своими самобытными чертами¹⁵.

В середине 60-х годов развернулось большое по масштабу обследование уйгурских диалектов, в котором принял участие и автор данной статьи. Хотанское «наречие» пришлось перевести в ранг диалекта — он хранит в себе явные черты древнеуйгурского языка: часто употребляется аллофон ы, прошедшее категорическое время образуется аффиксами с широкими губными гласными, наличествуют форма состояния на -гулак,

¹⁰ С. Е. Малов. Материалы по уйгурским наречиям Синьцзяна. — Сергееву Флорентию Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. 1933—1932. Л., 1934, с. 307—322.

¹¹ С. Е. Малов. Уйгурские наречия Синьцзяна. Тексты, переводы, словарь. М., 1961.

¹² С. Е. Малов. Уйгурский язык. Хамийское наречие, с. 5—7.

¹³ С. Е. Малов. Изучение живых тюркских наречий Западного Китая. Т. I. 1927, с. 170; он же. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. А.-А., 1957, с. 7.

¹⁴ С. Е. Малов. Лобнорский язык, с. 3.

¹⁵ С. Е. Малов. Уйгурские наречия Синьцзяна, с. 3.

-малик, -зак, форма смягченного повеления на -гашто и др. Иными словами, генезис хотанского диалекта следовало объяснить консервацией древних черт языка.

Предложенная нами в 1957 г. трехчленная система уйгурских диалектов, в основе которой лежат указанные выводы С. Е. Малова, полностью подтвердилась в ходе обследования большой экспедицией и затем была включена во всякого рода справочники и пособия, получила отражение в работах уйгуроведов.

У желтых уйгуров С. Е. Малов был немногим более года. У тюркоязычной их части (сарыг-югуров) им записан большой лингвистический и фольклорный материал. Продолжительное пребывание у степных сарыг-югуров позволило им близко узнать С. Е. Малова. Народная память все еще хранит теплое чувство к нашему замечательному ученому-гуманисту. По языку сарыг-югуров С. Е. Маловым опубликованы две книги под одним и тем же названием «Язык желтых уйгуров». Одна из книг — словарь и небольшая грамматика¹⁶, другая — собрание текстов в академической транскрипции с переводами¹⁷. Из 213 номеров записей 32 номера содержат тексты, отражающие своеобразие согласных. Следует заметить, что существует в рукописном виде латинская транскрипция тех же текстов с точной передачей согласных всех текстов. Ценность этой рукописи для науки очевидна.

С. Е. Малов, первый исследователь языка сарыг-югуров, указал его особенности: наличие э в середине имен и конце глагольных основ, систему сильных с придыханием и слабых смычных и аффрикат, старую систему числительных от 11 до 29, двойное склонение имен и безличное спряжение глаголов.

Исследование сарыг-югурского языка привело С. Е. Малова к выводу, который он формулирует следующим образом: «...язык желтых уйгуров трудно считать уйгурским, поскольку мы знаем и разговорный уйгурский язык (Синьцзяна) и письменный (обширной, главным образом буддийской, литературы), а он представляет собой или окиргизиявшийся в давнее время (какой-то) уйгурский язык, или совсем другой язык»¹⁸. Иными словами, это самостоятельный язык тюркской системы — заключение, истинность которого не вызывает никаких сомнений.

Заслуживает внимания и поддержки и другое соображение С. Е. Малова — взгляд на языки сарыг-югуров и лобнорцев как на два хронологически разных состояния древнекиргизского языка. Материалы по языку кыргызов уезда Фуюй (КНР) подкрепляют вероятность такого предположения.

¹⁶ С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика.

¹⁷ С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Тексты и переводы. М., 1967.

¹⁸ С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика, с. 7.

Саларов С. Е. Малов смог посетить только на короткий срок и сделать сравнительно небольшие записи (они занимают одну тонкую тетрадь). С. Е. Малов признал, что саларский язык изучен им недостаточно¹⁹.

Для саларского языка, как и для сарыг-югурского, характерны система сильных с придыханием и слабых смычных и аффрикат и отсутствие личного спряжения глагола.

Эти общие черты двух языков не генетического порядка, а артефакты, сложившиеся в результате воздействия одного и того же языка нетюркской системы.

По поводу саларского языка С. Е. Малов, пользуясь записанным материалом, делает такое заключение: «...следовало считать совершенно неверным зачисление проф. А. Н. Самойловичем саларского наречия в уйгурскую (северо-восточную) группу. По-моему, это наречие следует отнести (с некоторыми оговорками) к кыпчакско-туркменской (средней) группе»²⁰. В своей классификации С. Е. Малов поместил оба языка на положении самостоятельных языков тюркской семьи: сарыг-югурский — в группе древнейших, саларский — в группе новых²¹. Если бы уйгуроведы чаще заглядывали в работы С. Е. Малова, отпала бы необходимость придумывать всякого рода «изолированные диалекты», «ближайшие родственные диалекты уйгурского языка».

Заслуги С. Е. Малова в исследовании современных тюркских языков велики. Это целый этап в истории советского и мирового тюркского языкознания.

С. Е. Малову как ученому были свойственны необычайная широта интересов, глубокое проникновение в суть явлений. Он по праву заслужил звание «мастера тщательно отделанной миниатюры, поражающей блеском и тонкостью своей работы»²². Для стиля работы С. Е. Малова характерны строгость освещения факта и постоянный поиск новых путей исследования, что он завещал молодым поколениям ученых в статье «Культура и мозг».

«Каждый настоящий ученый приносит в свою специальность нечто ценное, нечто свое, что движет его науку все дальше и дальше»²³, — писал С. Е. Малов о В. А. Богородицком. Эти слова в полной мере относятся и к самому С. Е. Малову.

¹⁹ С. Е. Малов. Изучение живых тюркских наречий Западного Китая. С. 271.

²⁰ Там же.

²¹ С. Е. Малов. Древние и новые языки. — ИАН СССР, ОЛЯ, т. II. Вып. 2, 1962, с. 142.

²² Е. Н. Убрятова. О научной и общественной деятельности Сергея Владимировича Малова. — Тюркологический сборник. I. М.—Л., 1961, с. 17.

²³ С. Е. Малов. Памяти проф. В. А. Богородицкого. — ИЖ. 1942, № 3—4, с. 80.